

ИСТОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ ОДНОСТОРОННИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ: ИЗМЕНЕНИЯ, ВОЗДЕЙСТВИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ

HISTORY OF EVOLUTION OF UNILATERAL SANCTIONS: CHANGES, IMPACT AND REALISATIONS

Mukherjee Soumojit

Summary. This article examines the historical evolution and effectiveness of economic sanctions as a foreign policy tool. Key periods of sanctions implementation are discussed, focusing on the transition from broad sanction policies to targeted financial measures. The research also highlights trends in realisation and impact of sanctions. The article finds that sanctions' success depends on multiple interconnected variables rather than isolated factors, while noting their limitations when used unilaterally.

Keywords: economics, Economic sanctions, policy, history, trends.

Мукхерджи Соумоджит

Аспирант, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Москва)
Soumojitmukherjee007@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается историческая эволюция и эффективность экономических санкций как инструмента внешней политики. Обсуждаются ключевые периоды реализации санкций с упором на переход от широкой политики санкций к целевым финансовым мерам. Также освещаются тенденции в реализации и воздействии санкций. В статье делается вывод о том, что успех санкций зависит от множества взаимосвязанных переменных, при этом отмечаются их ограничения при одностороннем использовании.

Ключевые слова: экономика, экономические санкции, политика, история, тенденции.

В современном мире экономические санкции стали нормой, а не исключением. Ежемесячно объявляются и вводятся новые санкции в отношении определенных государств с конкретными целями, которые должны быть достигнуты в результате этих действий. Однако история применения санкций не нова. Экономические санкции были частью международного инструментария со времен Древней Греции и в современном мире продолжают играть неотъемлемую роль в вопросах международных и национальных интересов безопасности.

Данная статья фокусируется на различных периодах применения санкций международными и национальными субъектами, рассматривая, как санкции вводились, их причины и механизмы действия, а также в целом их воздействия, как экономическую, так и политическую.

Экономические санкции сегодня можно определить как прекращение традиционных торговых и финансовых отношений в целях внешней политики и безопасности [1]. Санкции могут быть всеобъемлющими, запрещающими коммерческую деятельность в отношении целой страны, как, например, длительное эмбарго США против Кубы, или они могут быть целевыми, блокирующими операции с определенными предприятиями, группами или физическими лицами.

Санкции можно разделить на две категории в зависимости от субъекта, который их налагает. Многосто-

ронные санкции — это санкции, налагаемые международными организациями на государства, группы или физических лиц по различным причинам, таким как их участие в распространении ядерного оружия, терроризме, торговле наркотиками и других. Такие санкции могут быть законно наложены только Советом Безопасности ООН (СБ ООН) и могут быть изменены только им. Для утверждения такого действия предлагаемые санкции должны пройти голосование в СБ ООН без вето со стороны любого из постоянных членов СБ ООН. Все санкции, наложенные СБ ООН, должны быть введены всеми членами ООН. Исключения для санкций СБ ООН не допускаются.

Односторонние санкции, вторая категория санкций — это санкции, налагаемые страной или группой стран для достижения целей национальной безопасности или внешней политики. Эти санкции обычно не имеют надлежащего обоснования в международном праве, однако с годами стали общепринятой практикой государств.

Реализация односторонних санкций сталкивается со значительными проблемами в рамках международного права, причем несколько положений Устава ООН представляют собой фундаментальные правовые препятствия. Эта правовая несовместимость проявляется в нескольких ключевых статьях Устава: статьи 1(2), 2(1) и 74 устанавливают принципы, которые потенциально нарушаются односторонними санкциями, включая равенство

государств, развитие дружественных международных отношений и взаимный учет национальных интересов и благосостояния [2].

Статья 2(4) Устава получила особое внимание в незападной правовой интерпретации, где понятие «силы» выходит за рамки военных действий и включает экономическое принуждение. Эта более широкая интерпретация фактически запрещает все формы межгосударственного давления. Кроме того, статья 2(7) затрагивает фундаментальный принцип государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Сфера действия этого положения охватывает любые действия, затрагивающие индивидуальные права, суверенитет или государственную власть. Значимая интерпретационная перспектива также учитывает основополагающее намерение интервенционных мер — если односторонние санкции явно направлены на навязывание воли одного государства другому, такие действия представляют собой запрещенное вмешательство во внутренние дела.

Международное правовое противодействие односторонним санкциям дополнительно подкрепляется различными резолюциями ООН. Хотя эти резолюции не имеют прямой обязательной силы, они способствуют развитию обычного международного права. В частности, Резолюции 2131, 2625, 3201 и 3281 явно рассматривают и осуждают такие односторонние принудительные меры. Эта последовательная модель осуждения через резолюции ООН усиливает аргумент против правовой легитимности односторонних санкций в рамках международного права [3].

В зависимости от страны или группы стран, налагающих санкции, другие страны могут решить последовать их примеру и ввести эти санкции или выбрать нейтральную позицию. Однако, как показано далее в статье, экстра TERRИТОРИАЛЬНЫЕ полномочия некоторых новых санкционных политик принуждают нейтральные страны принимать аналогичные санкционные позиции, независимо от их собственных идеологических и внешнеполитических целей.

Для понимания эволюции экономических санкций важно прояснить терминологию санкционной экосистемы. Страна/страны или международные организации, которые налагают санкции, известны как «отправители», а страны/организации, на которые налагаются санкции, известны как «получатели». Если санкции налагаются в одностороннем порядке, получатели могут ответить своими санкциями, известными как «контрсанкции».

Кроме того, экономические санкции не являются единым набором мер, но обычно могут быть двух различных типов: торговые санкции и финансовые санкции. Торговые санкции направлены на импорт и экспорт го-

сударства-получателя, в то время как финансовые санкции направлены на финансовую систему получателя. Экономические санкции, полностью запрещающие все торговые взаимодействия, также известные как эмбарго, на практике встречаются редко. Вместо этого санкции обычно нацелены на конкретные товары или ограниченный круг продуктов. Следовательно, совокупные экономические эффекты таких мер на общую экономику часто остаются ограниченными.

На основе этой терминологии санкции можно определить по различным историческим периодам и извлечь конкретные уроки из каждого периода. Важно отметить, что приведенный ниже список санкций не является исчерпывающим, а основан на основных санкциях, введенных в данный период времени, чтобы представить основные тенденции, объяснения, проблемы и решения, которые такие меры предлагали в то время.

Эволюция санкций в истории

Древний мир

Исторические записи об экономических санкциях восходят к классической античности, а именно к 432 году до н.э., когда Афины осуществили то, что считается одним из первых документированных случаев экономического принуждения. Инцидент возник, когда Афины обвинили Мегару, соседний город-государство, в посягательстве на территорию, которую Афины считали священной. Ситуация резко обострилась, когда Мегарские власти казнили афинского посланника, направленного для выражения афинских претензий. В ответ на этот дипломатический кризис Афины ввели всеобъемлющее торговое эмбарго, запрещающее мегарским торговцам вести дела в любом порту под афинским контролем¹. Эта карательная экономическая мера имела потенциальные последствия, выходящие за пределы самой Мегары, угрожая дестабилизировать экономические интересы её союзников, в частности Спарты, главного конкурента Афин. Этот эпизод произошел накануне Пелопоннесской войны, которая начнется в следующем году и продлится до 404 года до н.э.

Хотя этот эпизод санкций важен для исторической записи, современные санкции не имеют ничего подобного таким действиям. Однако важным уроком из этого эпизода санкций было использование санкций как невоенного средства против действий недружественного государства. Результат этих санкций привел к началу Пелопоннесской войны, что опровергло логику введения

¹ Мегарская псефизма — решение Народного собрания Древних Афин 433–432 годов до н. э., которое запрещало купцам Мегары торговать на рынках Аттики, а их кораблям — заходить в порты Афинского морского союза. По сути Мегаре была объявлена морская блокада.

санкций, поскольку небоевое решение привело к реальным военным действиям. Этот пример, таким образом, стал неудачным примером введения санкций, что привело к дальнейшей корректировке таких мер в будущем.

Довоенный период (до Второй мировой войны)

Следующий крупный эпизод санкций произошел в 1930-х годах. До этого были другие эпизоды торговых эмбарго, такие как европейское эмбарго Наполеона против торговли с Британской империей, однако оно также оказалось unsuccessful по различным причинам, таким как контрабанда и невозможность обеспечить соблюдение эмбарго из-за отсутствия военной силы [4].

Когда Италия начала вторжение в Эфиопию в 1935 году, Лига Наций, предшественница современной Организации Объединенных Наций, наложила санкции на Италию. Это остается одним из самых масштабных санкций, когда-либо наложенных на страну с крупным экономическим влиянием.

После начала эфиопской кампании Муссолини в октябре 1935 года Лига Наций действовала оперативно, введя всеобъемлющие санкции против Италии, которая тогда занимала восьмое место среди крупнейших экономических держав мира. Режим санкций получил беспрецедентную международную поддержку: в нем участвовали 52 государства из примерно 60 существовавших тогда независимых государств. Карательные меры охватывали несколько областей: ограничения на вооружения, ограничения на финансовые операции и ограничения на стратегическое сырье, необходимое для военных операций. Однако краеугольным камнем этих санкций был всеобъемлющий запрет на итальянский экспорт.

Эта стратегия оказалась особенно эффективной из-за экономической уязвимости Италии — в частности, её структурного дефицита текущего счета, что означало, что влияние экспортных ограничений непропорционально сильно затронет Италию, а не страны, вводящие санкции. Экономические последствия были существенными: промышленное производство Италии сократилось на 21,2 процента между октябрем 1935 года и июнем 1936 года. Экспортные показатели пострадали еще сильнее, с драматическим сокращением на 47 процентов в первые пять месяцев, в конечном итоге стабилизировавшись примерно на одну треть ниже досанкционных уровней. Отголоски эмбарго распространились за пределы Италии, вызвав инфляцию цен на различных международных рынках, затронув как сельскохозяйственные продукты (включая мясо, фрукты и масло), так и промышленные товары (такие как шерсть, текстиль и кожаные изделия) [5].

Однако санкции не достигли желаемого результата из-за неучастия США и Германии, двух крупнейших

экономик мира в то время, что позволило Италии легко обойти эти санкции и успешно продолжить свою военную кампанию в Эфиопии.

Аналогичная ситуация складывалась в начале 1940-х годов в Восточной и Южной Азии в связи с японским завоеванием восточноазиатских стран. В конце 1930-х годов Япония, занимавшая седьмое место среди крупнейших экономик мира, поддерживала более высокую степень открытости торговли, чем Италия. Прогрессивная кампания санкций против военной экспансии Японии в Китае возникла между серединой 1939 года и августом 1941 года, реализованная расширяющейся коалицией западных держав. Начало Второй мировой войны побудило Британскую империю и её ассоциированные территории в Азиатско-Тихоокеанском регионе (включая Индию, Австралию, Новую Зеландию и Канаду) ввести экспортный контроль над важнейшим сырьем, отдавая приоритет распределению внутри имперской сети.

Эта геополитическая реструктуризация усилила зависимость Японии от Соединенных Штатов — крупнейшей нейтральной тихоокеанской экономики — особенно в отношении основных видов сырья, включая нефть, железную руду, медь и металлолом. Когда Япония продолжила свою территориальную экспансию в 1940–41 годах, Соединенные Штаты ответили усилением экономических ограничений, кульминацией которых стало всеобъемлющее нефтяное эмбарго, координируемое с Британской империей и Нидерландами. Одновременно с этими торговыми ограничениями Соединенные Штаты осуществили заморозку японских йеновых активов в пределах своей юрисдикции. Совокупное влияние было серьезным, с сокращением объема японской торговли на 20–25 процентов в течение 18-месячного периода [6].

Нарушение доступа к жизненно важным ресурсам в конечном итоге побудило Японию начать военные операции как против Соединенных Штатов, так и против европейских колониальных владений в Юго-Восточной Азии, стремясь обеспечить необходимое сырье для своих военных операций. Этот случай представляет собой четкий контраст с итальянским опытом санкций: в то время как Италия в основном пострадала от экспортных ограничений, которые поставили под угрозу её валютные поступления, экономический кризис Японии проистекал из сочетания замораживания активов и разрыва критически важных импортных каналов от её последнего крупного торгового партнера.

Эти два примера можно интерпретировать как два зеркальных случая: один с Италией, где возможность обхода санкций существовала из-за отсутствия участия крупных экономик, обеспечивающих выход для торго-

вых ограничений. С другой стороны, Япония не могла сделать то же самое из-за участия всех крупных экономик и значительного вклада её крупнейшего торгового партнера на тот момент, США, участвовавшего в наложенных на неё санкциях.

Урок для будущих санкционных программ, следовательно, был понят как создание глобальных альянсов для реализации санкций. Следует отметить, что японские санкции, которые рассматриваются как успешная реализация санкционной политики, были введены, когда не было международного органа власти. События происходили после того, как Лига Наций прекратила работу, Вторая мировая война уже началась в Европе, а до создания Организации Объединенных Наций оставалось еще 4 года. Этот эпизод является одним из наиболее успешных примеров односторонних санкций, хотя почти все другие страны участвовали в их реализации.

Послевоенная эпоха (после Второй мировой войны) стала свидетелем значительной эволюции экономических санкций как инструмента международного государственного управления. Этот период характеризуется ускоряющейся частотой применения санкционных мер. Трансформация выходит за рамки простого количественного увеличения, охватывая фундаментальные сдвиги в трех ключевых измерениях: стратегических целях, движущих реализацию санкций, диверсификации применяемых санкционных механизмов и расширении круга международных субъектов, осуществляющих эти экономические меры. Этот сдвиг представляет собой фундаментальную трансформацию природы и применения экономического принуждения в современных международных отношениях.

Послевоенный период — 1950–1970

Окончание Второй мировой войны привело к новому периоду стратегической конкуренции на международной арене. Началась эпоха дуополии, когда западные державы во главе с США противостояли мощи СССР, началась эпоха холодной войны и новая фаза санкционной политики.

В послевоенном санкционном ландшафте заметно доминировали Соединенные Штаты, которые самостоятельно инициировали примерно треть всех санкционных мер. Американское влияние распространялось за пределы односторонних действий, играя инструментальную роль в санкциях, реализуемых как через каналы ООН, так и через многонациональные коалиции, что утвердило Соединенные Штаты как преобладающее государство-инициатор санкций и основной двигатель их распространения. В начале 1950-х годов торговые эмбарго и эмбарго на поставки оружия составляли примерно 60 процентов санкционной активности, в основ-

ном применяемых для достижения дестабилизации режимов или влияния на военные конфликты, будь то через содействие разрешению конфликтов или продвижение территориальных целей [7].

Исторический контекст дает важные представления об этой модели. Разрушительное воздействие Второй мировой войны породило существенный интерес к альтернативам военного вмешательства. Влиятельная работа Хиршмана 1945 года «Национальная власть и структура международной торговли» предоставила теоретическую основу, поддерживающую эффективность санкций. Его анализ показал, что хотя торговля создает универсальные экономические выгоды, она одновременно создает асимметрию власти, позволяя менее зависимым от торговли странам использовать коммерческие ограничения как инструменты влияния в более широких дипломатических спорах [8].

Послевоенный экономический ландшафт, характеризующийся широкомасштабным разрушением производственных мощностей в странах с высоким доходом, за исключением Соединенных Штатов, в сочетании с появлением геополитики холодной войны, создал условия, способствующие американскому доминированию в санкциях. Эти обстоятельства помогают объяснить определяющие черты периода: американское превосходство в реализации санкций, преобладание торговых ограничений и ограничений на поставки оружия как предпочтительных политических инструментов и частое применение санкций для достижения целей смены режима. Этот подход иллюстрируется длительными санкциями США против Кубы, систематическим применением санкций против восточноевропейских стран советского блока, усилиями по ограничению глобальной экономической интеграции Китая и карательными мерами против государств, считавшихся приверженцами коммунистической идеологии [9].

Современная структура экономических санкций в Соединенных Штатах берет свое начало в Законе о торговле с врагом 1917 года, который установил фундаментальные прецеденты, позже применявшиеся к различным странам, включая Кубу, Северную Корею, Вьетнам, Камбоджу, Китай и державы оси Второй мировой войны.

Эволюционирующая интерпретация судебной системы последовательно поддерживала широкие полномочия исполнительной власти в реализации санкций как инструментов внешней политики и национальной безопасности. Значительное расширение санкционных возможностей произошло с принятием в 1977 году Закона о международных чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA), который конкретно рассматривал применение в мирное время. Первое применение IEEPA произошло во время иранского кризиса с заложника-

ми 1979 года, вызванного захватом 52 американских граждан и угрозами Ирана как вывести свои депозиты из американских банков, так и дестабилизировать доллар на международных валютных рынках. Ответ правительства США был решительным: реализация всеобъемлющей заморозки иранских активов, охватывающей примерно 12 миллиардов долларов в денежных фондах и имущества — демонстрация существенного охвата Закона в защите американских интересов через экономические меры [10].

Международные эксперты также упоминают конфликт СССР-Китай как еще один пример санкций, использованных в этот период. В трехлетний период 1960–1962 годов СССР вывел помощь и экспертов из Китая в ответ на попытки Китая двигаться к собственным методам коммунизма [11].

Хотя никаких фактических санкций на Китай наложено не было, действия СССР, такие как вывод экспертов, сокращение помощи и технической поддержки, подтолкнули Китай к реструктуризации своей экономики, хотя ему пришлось заплатить тяжелую цену в виде до 10 миллионов смертей из-за последовавшего голода в этот период и долгосрочных последствий для развития китайской промышленности, которая застыла из-за вывода экспертов.

Этот период санкций был основан главным образом на идеологических различиях и геополитических причинах, а не на необходимости остановки конфликтов или наказания государств за завоевания, как это было в предыдущий период. Поскольку такие страны, как США, создавали специальные правовые основы для экономических санкций, эти годы действовали как предварительный просмотр следующей эпохи санкций, которая увидит изменение в санкционной политике государств-отправителей и получателей.

Период 1970–1990

Начало 1970-х годов ознаменовало значительный сдвиг в глобальной динамике экономической власти, поскольку послевоенное восстановление Западной Европы и Японии бросило вызов американскому экономическому доминированию. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) появилось как единый экономический голос, в то время как несколько экономических потрясений обнажили растущую уязвимость США. К ним относились решение президента Никсона ввести плавающие обменные курсы и нефтяное эмбарго ОПЕК 1974–1975 годов, которое усилило экономическое влияние Советского Союза и потенциально придало смелости его глобальным устремлениям.

Основываясь на предполагаемой эффективности первоначальной иранской санкционной программы, Со-

единенные Штаты инициировали последовательность санкционных режимов под полномочиями ИЕЕРА. Охват этих экономических мер значительно расширился, охватывая различные цели: суверенные государства, такие как Никарагуа, Южная Африка, Ливия, Иран (в последующих раундах), Панама, Судан, Сирия, Ирак и Мьянма. Применение санкций на основе ИЕЕРА далее эволюционировало для решения транснациональных угроз, нацеливаясь на международные сети наркоторговли и террористические организации. Это расширение отражает возрастающую полезность закона как инструмента как внешней политики, так и глобальных правоохранительных инициатив [10].

Геополитическая позиция Америки была дополнительно скомпрометирована затянувшимся и неуспешным вьетнамским конфликтом, который уменьшил как общественную поддержку военных вмешательств, так и моральный авторитет нации как защитника демократических принципов и прав человека. Международный политический ландшафт стал свидетелем тенденции к авторитарному управлению, когда военные хунты и диктатуры сменяли как колониальные администрации, так и зарождающиеся демократии. Хотя отношения между США и СССР вступили в период разрядки, этот относительный покой был нарушен советским вторжением в Афганистан, которое вызвало существенные экономические контрмеры. Одновременно различные регионы испытали появление военизированных организаций, использующих террористическую тактику, включая группу Баадера-Майнхоф в Западной Германии и Красные бригады Италии.

Распространение санкций продолжалось, при этом Соединенные Штаты сохраняли свою позицию как основной инициатор, подкрепленную Законом о международных чрезвычайных экономических полномочиях 1977 года. Это законодательство предоставило широкие президентские полномочия регулировать экономические транзакции во время объявленных национальных чрезвычайных ситуаций, став краеугольным камнем санкционной политики США, несмотря на его расхождение с современными международными правовыми нормами [12].

Этот период также стал свидетелем появления европейских государств как координированных исполнителей санкций. В то время как традиционные торговые санкции оставались постоянными, их относительная доля снизилась по мере того, как финансовые и военные санкции приобретали все большее значение. Применение санкций эволюционировало за пределы дестабилизации режима, все чаще рассматривая нарушения прав человека и, к концу периода, цели борьбы с терроризмом.

Период 1990–2000

1990-е годы возвестили эру оптимистического интернационализма, характеризующуюся стремлением к «Новому мировому порядку», основанному на демократическом управлении, либеральной экономической интеграции и сокращении межгосударственных конфликтов, где международные институты взяли на себя центральные роли в управлении конфликтами и рамках сотрудничества. Этот оптимизм подпитывался несколькими значительными событиями: распадом Советского Союза, глобальной волной демократизации и беспрецедентной международной солидарностью в ответ на вторжение Ирака в Кувейт в 1990 году — событием, которое особенно повысило престиж многосторонних действий через такие институты, как Организация Объединенных Наций. Коллективный ответ на этот кризис продемонстрировал потенциал скоординированных международных действий в решении глобальных проблем безопасности.

Этот период стал свидетелем существенной эволюции экономических институтов. Соединенные Штаты приняли политику экономической интеграции Китая, в то время как Европа продвигалась к более глубокой экономической координации через Маастрихтский договор 1992 года, учреждающий Европейский Союз. Переход от ГАТТ к Всемирной торговой организации в 1995 году далее институционализировал международные торговые отношения, хотя это развитие парадоксальным образом усложнило реализацию торговых санкций. Эти институциональные преобразования отражали более широкую тенденцию к формализованному международному экономическому сотрудничеству и регулятивным рамкам [13].

Однако этот период оптимизма содержал зарождающиеся противодействующие силы. Международный терроризм, особенно Аль-Каида, набирал импульс, в то время как антиглобализационные движения начали кристаллизоваться — тенденции, которые станут более заметными после 2000 года. Эти противостоящие силы представляли растущее сопротивление преобладающему международному порядку и в конечном итоге бросили бы вызов предположениям, лежащим в основе парадигмы «Нового мирового порядка». Несмотря на эти подводные течения, развертывание санкций поддерживало исторически высокие частоты, заработав 1990-м годам обозначение «десятилетия санкций» — хотя этот уровень позже будет превзойден [14].

Санкционный ландшафт претерпел заметные преобразования в течение этого периода. Традиционные торговые санкции испытали стагнацию или спад, в то время как финансовые санкции и ограничения на передачу оружия приобрели известность. Цели, движущие

реализацией санкций, заметно изменились: инициативы по смене режима уменьшились, в то время как продвижение демократии и защита прав человека стали все более заметными мотивациями. Эта эволюция отражала изменяющиеся международные приоритеты и растущий акцент на безопасности человека наряду с традиционными озабоченностями государственной безопасности. Возможно, наиболее значительно то, что хотя односторонние санкции сохранялись, многосторонние меры получили существенное развитие, причем как Организация Объединенных Наций, так и Европейский Союз появились как все более активные исполнители санкций. Этот сдвиг в сторону многосторонности в санкционной политике соответствовал более широкой международной тенденции к коллективным действиям и институциональному сотрудничеству в решении глобальных проблем.

Период 2001 — Настоящее время

События 11 сентября 2001 года инициировали два десятилетия войны и обозначили значительный сдвиг в глобальной динамике, характеризующийся демократической регрессией и растущим национализмом. Последующий период столкнулся с крупными экономическими потрясениями, особенно финансовым кризисом 2008 года и глобальной пандемией. Современные события включают беспрецедентные экономические санкции против существенной экономической державы, вызванные межгосударственным конфликтом в Европе. Эра после 2001 года стала свидетелем беспрецедентной эскалации в реализации санкций, в первую очередь проявляющейся через финансовые ограничения, запреты на поездки и целевые меры против конкретных лиц и предприятий.

В то время как санкции, ориентированные на права человека, продолжили свою восходящую траекторию, санкции по продвижению демократии достигли плато. Цели смены режима стали все более редкими, контрастируя с существенным ростом санкций, сфокусированных на борьбе с терроризмом. Эта эволюция в санкционной политике была обусловлена несколькими ключевыми факторами.

Во-первых, сдвиг в сторону целевых санкций последовал за теоретическими разработками, предполагающими повышенную эффективность таких мер. Во-вторых, законодательные модификации в Соединенных Штатах облегчили реализацию и обеспечение исполнения финансовых санкций. Инициативы по борьбе с терроризмом потребовали соответствия финансовых институтов в мониторинге и отчетности по транзакциям, эффективно делегируя обеспечение исполнения санкций финансовому сектору. Соединенные Штаты расширили свой юрисдикционный охват, включив иностран-

ные организации, проводящие операции в долларах или использующие финансовую инфраструктуру США. Более того, они реализовали вторичные экстратерриториальные санкции, нацеленные на предприятия, включая иностранные компании, которые взаимодействуют с санкционированными организациями [15] [16].

В-третьих, технологический прогресс, особенно в возможностях обработки информации, позволил осуществлять мониторинг огромных ежедневных финансовых транзакций. В то время как теоретические рамки предполагают, что эти уточненные подходы к санкциям должны повысить эффективность и минимизировать влияние на гражданское население, систематическая эмпирическая оценка этих результатов остается в ожидании.

Эти события происходили на фоне смещающихся международных приоритетов: защита прав человека сохранила известность, в то время как цели продвижения демократии стабилизировались. Относительный спад в инициативах по смене режима резко контрастировал с интенсификацией мер по борьбе с терроризмом. Роль финансового сектора в обеспечении исполнения санкций значительно расширилась, поддерживаемая улучшенными технологическими возможностями для мониторинга транзакций. Однако, несмотря на теоретические прогнозы улучшенной эффективности и сокращенного побочного влияния, всесторонняя оценка эффективности этих новых подходов остается критической областью для дальнейших исследований и анализа [17][18].

Установление и реализация санкций

После анализа изменений в реализации экономических санкций с течением времени становится очевидным, что, хотя дискуссия об их эффективности и результатах все еще продолжается, этапы установления и реализации имеют определенные общие тенденции при введении санкций.

Практическая реализация санкций требует тщательного рассмотрения четырех ключевых элементов, которые определяют их эффективность и легитимность:

Во-первых, стратегический выбор целевых товаров и рынков требует детального анализа экономических уязвимостей и потенциальных альтернативных цепочек поставок. Этот элемент требует всестороннего понимания глобальных торговых сетей и экономической структуры целевой страны.

Во-вторых, необходимость многосторонней поддержки и международного участия подчеркивает важность дипломатической координации и формирования коалиций. Этот фактор становится все более критиче-

ским в условиях взаимосвязанной глобальной экономики, где односторонние меры часто оказываются недостаточными.

В-третьих, оценка экономических и политических последствий для целевой страны требует сложного моделирования как прямых, так и косвенных эффектов, включая потенциальные непреднамеренные последствия и гуманитарное воздействие.

В-четвертых, сравнительный анализ уровней приверженности между санкционирующей и целевой странами определяет вероятность успеха, требуя тщательной оценки политической воли, экономической устойчивости и стратегических интересов обеих сторон.

Относительное значение, придаваемое этим элементам, варьируется в зависимости от целей санкций. Когда основной целью является выражение неодобрения, внимание сосредоточено на первых двух элементах — выборе мер и международной поддержке. Карательные санкции дополнительно требуют тщательной оценки экономического воздействия. Однако при попытке повлиять на изменения политики в целевой стране все четыре элемента становятся критически важными, требуя более комплексного и нюансированного подхода к разработке и реализации санкций.

Воздействие санкций

Экономические последствия санкций для целевых стран демонстрируют широкий спектр тяжести, от незначительных нарушений до фундаментальной экономической дезорганизации. Вариация воздействия определяется тремя критическими факторами, которые формируют уязвимость и устойчивость целевой страны к санкционным мерам.

Во-первых, способность целевой страны получать доступ к альтернативным цепочкам поставок и экспортным рынкам существенно влияет на эффективность санкций. Этот фактор действует в рамках сложной сети международных торговых отношений и геополитических альянсов. Способность переориентироваться на альтернативных торговых партнеров часто определяет конечное экономическое воздействие санкционных мер.

Во-вторых, внутренняя адаптивность и экономическая гибкость целевой страны играют решающую роль в смягчении последствий санкций. Это включает институциональный потенциал, экономическую диверсификацию и способность осуществлять структурные корректировки в ответ на внешнее давление. Эффективность этих внутренних корректировок часто зависит от таких факторов, как экономическая сложность, обеспеченность ресурсами и государственный потенциал экономического планирования и реализации.

В-третьих, способность санкционирующей страны эффективно обеспечивать соблюдение ограничений существенно влияет на результаты. Эта способность к принуждению включает не только прямой мониторинг и реализацию, но и способность предотвращать обход через третьи стороны и поддерживать международное соблюдение санкционных режимов.

Исторические свидетельства демонстрируют, что целевые страны часто успешно обеспечивают альтернативные торговые отношения, хотя и через различные каналы в зависимости от обстоятельств. В таких случаях, как Куба [19], Зимбабве [20] и Иран [21], идеологические или стратегические противники санкционирующих стран появились в качестве альтернативных торговых партнеров, эффективно создавая параллельные экономические сети. В других случаях пустоту заполняли оппортунистические поставщики, мотивированные экономической выгодой, а не политическим согласованием.

Стратегии внутренней адаптации проявлялись в различных формах. Реакция России на санкции ЕС 2014 года, особенно в отношении продуктов питания, таких как сыр, демонстрирует стремление к повышению самообеспеченности как стратегии смягчения санкций. Опыт Кубы в условиях долгосрочного эмбарго иллюстрирует более фундаментальную экономическую реструктуризацию, переход от экономики, интегрированной с американским капиталом и потребительскими товарами, к экономике, переориентированной на страны советского блока и Японию, хотя и со значительно сниженной доступностью потребительских товаров.

Однако наличие альтернативных торговых вариантов не обязательно отменяет экономическое воздействие санкций. Случаи с Китаем [22], Кубой и Зимбабве демонстрируют, что даже при наличии альтернатив могут возникнуть значительные экономические издержки из-за временных разрывов между реализацией санкций и установлением новых торговых отношений или из-за повышенных экономических и политических издержек, связанных с обеспечением альтернативных договоренностей. Это временное измерение воздействия санкций подчеркивает, что само наличие альтернативных торговых партнеров не исключает эффективности санкций, особенно на начальном этапе их реализации.

Эта сложная взаимосвязь факторов подчеркивает, что экономическое воздействие санкций нельзя свести к простому бинарному результату, а следует оценивать в более широком контексте международных экономических отношений, возможностей внутренней адаптации и временных соображений. Таким образом, эффективность санкций зависит от динамического взаимодействия между этими различными факторами, а не от какого-либо отдельного элемента в изоляции.

При анализе эффективности международных санкций как инструмента внешней политики на их политические последствия влияет несколько сложных факторов. Оценка политических последствий санкций требует изучения множества взаимосвязанных переменных, которые формируют как реакцию целевой страны, так и решимость стран-инициаторов.

Политическая эффективность санкций фундаментально зависит от трех критических детерминант в целевой стране. Во-первых, масштаб экономических нарушений играет решающую роль в формировании результатов. Во-вторых, то, как эти экономические воздействия распределяются между различными сегментами общества, существенно влияет на общественную реакцию. В-третьих, решающее значение имеет способность целевого правительства поддерживать политический контроль и стабильность несмотря на экономическое давление.

Исследования продемонстрировали интересный парадокс в эффективности санкций: когда целевые страны придерживаются сильных идеологических убеждений относительно оспариваемой политики, они обычно демонстрируют большую устойчивость в противостоянии экономическому давлению. Этот феномен часто проявляется неожиданным образом, поскольку санкции парадоксальным образом могут укреплять национальную сплоченность через общие невзгоды. Опыт коллективных трудностей часто катализирует повышенную солидарность и усиливает народную поддержку позиции правительства [23].

Динамика на стороне санкционирующих стран представляет свои собственные сложности. Устойчивость санкционных режимов зависит от трех основных факторов в странах-инициаторах. Общественное мнение относительно целей санкций и толерантность к внутренним экономическим последствиям представляет первый критический элемент. Второй фактор включает готовность правительства принять политические издержки, связанные с поддержанием санкций. Наконец, степень, в которой союзные страны обязуются разделять как политическое, так и экономическое бремя, оказывается существенной для долгосрочной эффективности.

Эти факторы часто создают уязвимость в реализации санкций, поскольку любая слабость в этих областях может подорвать решимость спонсирующей коалиции. Действительно, частое несоответствие уровней приверженности между санкционирующими и целевыми странами возникает как фундаментальное объяснение ограниченного уровня успеха многих санкционных программ. Целевые страны, сталкивающиеся с экзистенциальным давлением, обычно демонстрируют большую решимость терпеть трудности по сравнению с санкци-

онирующими странами, чья приверженность может колебаться по мере накопления внутренних издержек [24].

Реализация экономических санкций занимает стратегическую позицию в спектре международных политических ответов, преодолевая разрыв между чисто дипломатическими мерами и военным вмешательством. Как инструмент внешней политики, санкции предоставляют странам механизм оказания давления, превышающего дипломатическое порицание, избегая при этом рисков и затрат, связанных с вооруженным конфликтом.

Экономические санкции выполняют множество дипломатических функций. Они могут сигнализировать о международном неодобрении, демонстрировать решимость в решении нарушений международных норм и налагать ощутимые издержки на целевые страны. Их универсальность делает их применимыми в различных геополитических сценариях, от реагирования на нарушения прав человека до противодействия усилиям по ядерному распространению.

Однако исторические свидетельства и эмпирические исследования указывают на существенное ограничение: при использовании в изоляции экономические санкции редко достигают трансформационных изменений политики в целевых государствах. Это ограничение проистекает из различных факторов, включая способность целевой страны адаптироваться через альтернативных торговых партнеров, развитие внутренних альтернатив санкционированным товарам и ранее обсуждавшийся феномен повышенного национального единства перед лицом внешнего давления.

Санкции претерпели огромные изменения с момента их первого использования, постоянно оцениваясь и эволюционируя для повышения их эффективности и воздействия. В мире, где односторонние санкции продолжают расти как по их количеству, так и по числу санкционированных стран, понимание санкционной политики становится первым важным шагом к созданию фундаментального плана для их последовательного противодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. What Are Economic Sanctions? // Council on Foreign Relations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cfr.org/background/what-are-economic-sanctions> (дата обращения: 10.01.2025).
2. Jazairy I. Unilateral economic sanctions, international law, and human rights // *Ethics & International Affairs*. — 2019. — Т. 33. — №. 3. — С. 291–302.
3. Nourani S.A.S. An Analysis of Unilateral Economic Sanctions in International Law: A Case Study of the United States // *International Studies Journal (ISJ)*. — 2021. — Т. 18. — №. 3. — С. 53–75.
4. Crouzet F. Wars, Blockade, and Economic Change in Europe, 1792–1815 // *Naval History 1680 1850*. — Routledge, 2017. — С. 149–170.
5. Strang G.B. «The Worst of all Worlds»: Oil Sanctions and Italy's Invasion of Abyssinia, 1935–1936 // *Diplomacy and Statecraft*. — 2008. — Т. 19. — №. 2. — С. 210–235.
6. Miller E.S. Bankrupting the enemy: the US financial siege of Japan before Pearl Harbor. — Naval Institute Press, 2007.
7. Morgan T.C., Syropoulos C., Yotov Y.V. Economic sanctions: Evolution, consequences, and challenges // *Journal of Economic Perspectives*. — 2023. — Т. 37. — №. 1. — С. 3–29.
8. Hirschman A.O. National power and the structure of foreign trade. — Univ of California Press, 1980. — Т. 105.
9. Barber J. Economic sanctions as a policy instrument // *International Affairs*. — 1979. — Т. 55. — №. 3. — С. 367–384.
10. Boyle D. Extra-territoriality and US economic sanctions // *IELR*. — 2020. — Т. 36. — С. 101.
11. Radchenko S. The Sino-Soviet Split // *Cambridge History of the Cold War: Crises and Détente*. — Cambridge University Press, 2010. — С. 349–72.
12. Casey C.A. The International Emergency Economic Powers Act (IEEPA) and Tariffs: Historical Background and Key Issues // *Congressional Research Service (CRS) Reports and Issue Briefs*. — 2020. — С. NA-NA.
13. Mitchell A.D. Sanctions and the World Trade Organization // *Research Handbook on UN Sanctions and International Law*. — Edward Elgar Publishing, 2017. — С. 283–303.
14. Cortright, David and George A. Lopez. 2000. The Sanctions Decade: Assessing UN Strategies in the 1990s.
15. McGillivray F., Stam A. C. Political institutions, coercive diplomacy, and the duration of economic sanctions // *Journal of Conflict Resolution*. — 2004. — Т. 48. — №. 2. — С. 154–172.
16. Bapat N.A. et al. Determinants of sanctions effectiveness: Sensitivity analysis using new data // *International Interactions*. — 2013. — Т. 39. — №. 1. — С. 79–98.
17. Hufbauer G. C., Jung E. What's new in economic sanctions? // *European economic review*. — 2020. — Т. 130. — С. 103572.
18. Hufbauer G., Oegg B. 47 Economic sanctions for foreign policy purposes: a survey of the twentieth century // *Handbook on International Trade Policy*. — 2007. — С. 509.
19. Vidal P. Impact of Sanctions Policy Shifts: A Case Study of the United States and Cuba, 1994–2020 // *Journal of International Development*. — 2024.
20. Hove M. The debates and impact of sanctions: The Zimbabwean experience // *International Journal of Business and Social Science*. — 2012. — Т. 3. — №. 5.
21. Majidi A.F., Zarouni Z. The impact of sanctions on the economy of Iran // *International Journal of Resistive Economics*. — 2016. — Т. 4. — №. 1. — С. 84–99.
22. Zofka J., Chen T. Economic dimensions of the Sino-Soviet alliance and split: introduction to the special issue // *European Review of History: Revue européenne d'histoire*. — 2023. — Т. 30. — №. 3. — С. 333–346.
23. Mulder N. The History of Economic Sanctions as a Tool of War. — 2022.
24. Kaempfer W.H., Lowenberg A.D. The political economy of economic sanctions // *Handbook of defense economics*. — 2007. — Т. 2. — С. 867–911.